
Секция 4. ФИЛОСОФИЯ

УДК 1(091)

*Шестакова Д.В. ©
студент*

Санкт-Петербургский государственный университет

ФИЛОСОФСКИЙ ИРРАЦИОНАЛИЗМ АРТУРА ШОПЕНГАУЭРА И СЁРЕНА КЬЕРКЕГОРА

Статья посвящена анализу происхождения и понятия философской концепции «иррационализма». Рассматриваются особенности воззрений главных представителей этого течения Артура Шопенгауэра и Сёрена Кьеркегора.

Ключевые слова: *иррационализм, Артур Шопенгауэр, Сёрен Кьеркегор, религия, воля, страх.*

Раскол философского мировоззрения на противоположные парадигмы явился следствием развития крити-

ческих взглядов на религию в XIX веке. Одними из крупных борцов на обозначившейся философской арене выступили представители позитивизма и иррационализма. Первые отстаивали главенство разума и практики, отрекаясь от вопросов метафизики и поиска Абсолюта. Единственным диктатом истины для позитивистов стало экспериментально проверяемое научное знание. Иррационалисты, напротив, признавали иные формы познания мира, настаивая на том, что интуиция, религиозное чувство или мистическое озарение могут открыть человеку истины, недоступные научному разуму.

На сегодняшний день напряжение между приверженцами рационализма и иррационализма сохраняется. Так, например, современный французский философ Андре Конт-Спонвиль в своем «философском словаре» в статье, посвященной иррационализму, называет это течение «иллюзией», иррациональное для него непостижимо, а, следовательно, его не существует «в отличие от неразумного, каковое существует в чрезмерном объеме» [5, с. 230]. Нам представляется, что такое уничтожение иррационального неправомерно, поскольку вера в нечто «внеразумное» была присуща человечеству с момента его возникновения. Разного рода трансцендентные явления сожительствовали с людьми, наставляя их на правильную организацию жизни. Здесь можно привести самый красноречивый пример в защиту иррационального как имманентного миру – существование религии, которой несмотря на шквал многовековой критики удается сохранять начальство в жизни миллионов людей. Однако стоит отметить, что иррациональный характер присущ не только религии, но и вопросам, которые касаются сознания человека и его внутренних переживаний. Иррациональную сторону бытия глубоко разрабатывал немецкий философ Артур Шопенгауэр, акцентируя внимание на метафизике воли. Предложенная им традиция была подхваче-

на другими выдающимися умами – Сереном Кьеркегором и Фридрихом Ницше. Именно эти философы подарили миру экзистенциализм и философию жизни. В связи с этим вопрос об актуальности изучения соотношения иррационализма и религии сопряжен с необходимостью правильного понимания не только понятия иррационализма, но и внутренней механики современных процессов в философии.

История развития иррационализма.

Понятие «иррациональный» трактуется толковым словарем Д. Н. Ушакова как: «непостижимый разумом, выходящий за пределы постигаемого умом», что дает нам право, по крайней мере, в русском языке, приписывать моду иррациональности всякому явлению, которое мы не в состоянии объяснить. Первоначально понятие иррациональности употреблялось в связи с иррациональными величинами в математике. Обнаружение иррациональных чисел связано с открытием несоизмеримости диагонали квадрата с его стороной. Хотя этимология термина восходит к латинскому *irrationalis* (неразумный), в философии иррациональность высвечивает себя уже у Платона в учении об идеях. Так, в диалоге «Тимей» мы встречаем понимание мира как порождения двух начал – материи (или иррационального начала), производящей элементы чувственного мира, и рационального, которым является Божественный Разум. Иррациональное ответственно за непрерывное движение мира, которое в силу необходимости из старого порождает новое путем воспроизведения божественного образца (эйдоса).

Более отчетливо понятие иррационального начинает очерчиваться в римской интеллектуальной традиции. Здесь необходимо отметить, что иррациональное как дефиниция возникает в противовес понятию рациональности как разумности, оно зависимо и вторично.

В более поздней классической немецкой философии мы обнаруживаем некоторое наследование такого восприятия иррациональности. Нужно сказать, что зерна иррационализма как философского течения, были посажены именно философами-классиками, наметился протест панлогизму в философии. Так, например, Кантовская «вещь в себе» непознаваема разумом, в системе Фихте разум практический (нравственный) главенствовал над разумом теоретическим, а Шеллинг настаивал, что высшей способностью человека является интуиция, а не рационально-теоретическое мышление. Немалый вклад в формирование иррационализма внесли более младшие современники данного направления – романтики. Именно у них обнаруживается тяга к мистицизму, магическому идеализму, представителем которого был Новалис. Интересно, что именно у него большое внимание уделяется внерациональному началу – воображению. Новалисом преодолевается субъективизм Фихте, согласно которому природа не обладает своей ценностью вне нашего сознания. Природа же оказывается живым организмом, полным мистических тайн. Эти тайны доступны лишь магу, или гению, для которого характерно буйство воображения. Посредством воображения он преобразовывает, совершенствует мир, возвышается над конечностью эмпирического и приближается к вневременному, бесконечному. В отличие от гения, который переживает мир, исследователь, претендующий на познание законов природы, лишь умерщвляет ее, препарирует посредством своего интеллекта.

Опираясь на все вышесказанное, нетрудно заключить, что умонастроения, нарождавшиеся в философии девятнадцатого века необходимо должны были найти свою самостоятельность в новом взгляде на действительность.

Артур Шопенгауэр – пионер иррационализма.

Основоположителем иррационализма считается Артур Шопенгауэр. В своем эпохальном труде «Мир как воля и представление» он предложил концепцию двух миров. С одной стороны, он представлял мир как представление, в котором господствует причинность, как и во всём, что находится во времени пространстве. Однако философ отмечает, что если бы мир являлся только представлением, то люди не способны познавать сущность какого-либо предмета вообще. Эта функция, по Шопенгауэру, выполняется в мире воли, который не соотносён со временем и пространством, а потому свободен. Немецкий философ полагал, что суть сил природы и законов их действия остаётся за пределами познания естествознания, поэтому обвинял науку в том, что она «ограничивается явлениями и их порядком» [13, с. 65]. Поэтому познание в точном смысле слова, по Шопенгауэру, начинается с уяснения наличия воли. В мире как представлении само познание как бы относительно, поэтому, чтобы его узаконить, необходимо предположить нечто, находящееся сверх представления, происхождение чего не будет связано с представлением. Здесь себя обнаруживает иррациональная воля, которую философ трактует как неукротимое хотение, желание без начала, цели и конца. Будучи основой и сущностью мира, Мировая воля едина, тождественна сама себе, неизменна и свободна. В отдельных действиях человека и явлениях воля «объективируется». Объективацию можно сравнить с выпадением воли из измерения сущности в измерение явления. Таким образом, волю можно расценивать как хаотичное предначало мира, в котором заключены разнообразные потенции, а представление как объективацию воли и проявление этих потенций.

В природе воля обнаруживает себя в виде борьбы за существование. Поэтому в человеке воля проявляется в

виде «воли к жизни», страстей. «Воля к жизни» способна повлечь за собой разного рода аффекты: злобу, эгоизм, страдание. Поэтому выходит, что любое психологическое явление имеет иррациональный источник происхождения.

Не менее интересны рассуждения Шопенгауэра касательно искусства, которое тоже зиждется на иррациональных началах. Большинство искусств, согласно философу, – суть «отражения идей, объективации воли», однако подлинным «отражением воли» философ считал музыку, действие которой «значительно сильнее и проникновеннее действия других искусств: они говорят только о тени, она же – о существе» [13, с. 153]. Мир с одинаковым правом можно называть воплощенной музыкой, как и воплощенной волей, в известной степени мелодии являются абстракциями действительности. Музыка – это язык страсти и исступления, она выражает сущность жизни и ее проявлений, а не саму жизнь. По мысли философа, музыканты способны освободиться от страданий, порожденных самой волей, и от испытаний повседневной жизни. Именно в музыке творец, исполнитель и слушатель неразличимы; сопереживания приближают их к вечности, поэтому они непосредственно схватывают сущность бытия.

Трудно не сопоставить музыкальность Воли Шопенгауэра с каким-либо религиозным экстазом. Однако сам философ был атеистом, что не позволяет нам проводить такие параллели. Хоть Воля иррациональна и не постигаема разумом, она отнюдь не божественна, напротив, она самозаконна и самодостаточна. Человек способен постигнуть ее, отдавшись своим страстным чувствам, особенно тем, которые вызывает в нем музыка. Однако Шопенгауэр замечает, что большинство людей слишком трусливы, чтобы отрешиться от рациональности. Человек отчаянно цепляется за разум, ибо он организует хаос, объективирует вещи, создавая тем самым чувство защищенности от ужаса,

который настагает человека в моменты высвечивания Воли. Те же, кто имеет мужество встретится с бурлящей Волей способны перейти в ничто, упразднив Волю. По сути, это есть самоуничтожение индивида, который смог выйти из мира представлений. Сходные мысли об ужасе реальности мы встречаем у датского философа – Сёрена Кьеркегора. Центральной темой его философии стала проблема достижения внутренней личностной свободы человека, которая возможна не благодаря «самоуничтожению», а посредством парадоксальной веры.

Иррационализм Сёрена Кьеркегора.

В философском многоголосом хоре XIX века одну из самых замечательных партий исполняет «датский Софократ» – Сёрен Кьеркегор. Рождение его мысли и разума случилось в Копенгагенском университете на теологическом факультете. Именно в студенческие годы сформировался уникальный облик Кьеркегора, сочетающий в себе христианского глубокодумца и педантичного обзревателя вопросов личностного человеческого бытия. Благодаря ему «человек» получил характеристику не только как сущности, предлагаемую классическими философами, но и как экзистирующего субъекта. Впредь человек не представлялся одним лишь только явлением внешнего мира, состоящим из телесного, душевного и духовного начал, но и обрел свой специфически человеческий способ бытия. Ловкая мысль датского писателя, обрамленная Гегелем и романтиками, дала толчок разворачиванию ведущему направлению в философии XX века – экзистенциализму. Однако будучи современником Бауэра и Штирнера, Маркса и Фейербаха, он был, прежде всего, критиком событий и состояния времени. Углядев искусственную «духовность» мира, любовно навязанную Гегелем человечеству, он напоминает людям о Святом Духе, том подлинном основании бытия

человека, которое есть добро, в отличие от остальных духов, которые суть зло. «Мировой дух», «дух времени» развратили людское сознание, приспособили их к любому духовеннию «ветерка эпохи», поэтому Кьеркегор неслучайно называет себя «коррективом ко времени», впервые осознав «свое время» и себя в нем. «Время распада», которое учили духи, нуждалось в осмыслении и возвращении Бога в мир, чтобы вновь возделывать почву для развития и спасения человека.

Интересно, что состояние эпохи породило совершенно разные концепции преодоления этого «распада». Бауэр сформулировал критическую позицию «самобытия», абсолютизировав самосознание; Штирнер развивал нигилистическую позицию «единственного», а Маркс сосредоточился на социалистической модели, считая ее единственным путем к освобождению от оков старого мира. У Кьеркегора мы наблюдаем совершенно уникальную реакцию: он предлагает философию единичного, индивидуально бытийствующего, настаивает не на свержении христианства как пережитка, а его возвращении в прежний чистый вид. Здесь в очередной раз обнажается суть его возражений гегелевской системе, ведь в ней нивелируется положение человека как отдельной сущности, он растворен в беспрестанном процессе развертывания мирового духа. Согласно мысли русского философа Льва Шестова Кьеркегор в «объективности» спекулятивной философии видит ее порочность, ведь «Люди стали слишком объективными, чтоб обрести вечное блаженство: вечное блаженство состоит в страстной, бесконечной заинтересованности» [12, с. 5]. Кроме того, датский ученый обрушивается негодованием и не приемлет всемирно-историческую тотальность, отмечая, что люди обманываются в ней, забывают о том, что являются здесь и сейчас экзистирующими индивидами. Таким образом, нетрудно понять, что размышления Гегеля о развивающемся «станов-

лении» представляют собой лишь видимость. Забывая о единичном человеке, он упускал из вида действительное становление, сутью которого являются решение и поступок. «Становление» Гегеля предстает для Кьеркегора как замкнутость уже ставшего бытия, где люди застыли и утратили мужество жить самостоятельно, прячась в больших коллективах. С этого ракурса видна центральная проблематика, занимающая философа – единичности человека перед Богом как творцом мира.

Понятие единичного, как отмечает немецкий философ Карл Лёвит, является коррективом и к социально-демократическому «человечеству», и к либерально-образованному христианскому миру [4, с. 282]. Нелюбовь Кьеркегора к социалистам, объяснима тем, что принцип объединения, ассоциации подобно «мировому духу» поглощает человека как такового, отнимает у него возможность вчувствоваться в реальность и данность времени. Современное Кьеркегору состояние христианства также заставило его пересмотреть вопрос о сущности религии. Воспитанный в набожной семье, где пиетизм был неотъемлемой частью жизни, философ впитал суровые ценности личной ответственности, вины, греха и страданий. Однако Кьеркегор искренне считал, что христианское учение искажено различными ответвлениями и традициями. Для него христианская вера представлялась не набором догм, механически исполняемых по указке церкви, а вопросом субъективного душевного волнения, даже страсти, которая не может быть опосредована духовенством, ибо она иррациональна по своей природе, и не может быть оформлена сводом предписаний. Вера – это самая важная задача, решаемая человеком, ибо только благодаря вере он имеет шанс стать истинным Я. Здесь, можно углядеть некоторое созвучие мыслей датского философа и Фридриха фон Харденберга. В очерке «Христианство и Европа» немецкий

поэт, воспитанный в протестантской Германии, вглядывается в суть явлений, разрушающих христианскую религию: «Лютер вообще обращался с христианством произвольно, извратил его дух, ввел иную буквальность и другую религию, а именно, священную абсолютизацию Библии» [9, с. 166], помимо этого, Новалис отмечает, что реформация окончательно загубила дух истинного христианства, а рационализм заставил воспринимать мир с прагматической точки зрения. Очевидно, что разочарование в официальном христианстве и тяга к иррациональному сближает романтика и экзистенциалиста, однако, если Новалис сожалел и скорбел об утрате всего таинственного и чудесного, что пронизывало религию в прежние времена, то Кьеркегор сосредотачивается на субъективном переживании парадоксальности веры. Иллюстрацией такого момента веры является фигура Авраама, который открывает в себе возможность сомневаться, ставит под вопрос авторитет провидения. Но в то же время, Авраам живет тем, что верит, его ситуация абсурдна, ибо он находится в искушении, норовя спасти сына, но при этом исполняет долг перед богом. Библейский герой испытывает иррациональный страх, который невозможно постичь разумом. Такой сущностный страх и отчаяние есть то, что связывает его с Богом. Именно масштаб и интенсивность этого страха отличает людей от всех остальных существ. Отчаяние и ужас перед «ничто» открывают им собственную подлинность, вынуждая искать пути, ведущие к изменению существования. И тогда люди начинают глубже разбираться в самих себе, ища смысловые ориентиры для выстраивания собственной линии жизни. Квинтэссенцией этого поиска выступает отношение к Богу, сообразуясь с которым человек из «эстетического человека» перерастает в «этического», а затем становится «религиозным».

Философия Кьеркегора пропитана мистической иррациональностью, однако, в отличие от Шопенгауэра, датский философ углядывает ее не во всемогущей Воле, а в самой сущности человека.

Заключение

Подводя итог, мы можем сделать вывод о том, что иррационализм – бесконечно пластичная философия. Нельзя сосредоточить все его многообразие в рамках единого определения, ибо тогда мы ограничим сущностный смысл этого течения. В ходе проделанного анализа взглядов Сёрена Кьеркегора и Артура Шопенгауэра, мы могли наглядно убедиться в том, что иррационализм способен сочетать в себе диаметрально противоположные убеждения. Атеистический иррационализм Шопенгауэра взращён на той же почве, что и религиозно-мистический экзистенциализм Кьеркегора. Корни иррационализма угадываются на самых ранних стадиях интеллектуального развития человечества. Этот факт наделяет его объединяющей силой, которая способна примирить разные философские системы. Кроме того, нужно отметить, что «иррациональное» – это не нечто «несуществующее», как указывал Андре Конт-Спонвиль, а другой уровень восприятия реальности, который доступен только пытливым и непредубежденным индивидам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабина В.Н. Проблема соотношения рационального и иррационального в историко-философской традиции: онтогносеологический аспект // Известия вузов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2012. – № 3.
2. Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX в. – М.: Республика, 1997.

3. Гардинер П. Артур Шопенгауэр. Философ германского эллинизма / пер. с англ. О. Б. Мазуриной. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003.

4. Лёвит К. От Гегеля к Ницше. Революционный перелом в мышлении XIX в. Маркс и Кьеркегор. / пер. с нем. К. Лощевского; под ред. М. Ермаковой. – СПб.: Владимир Даль, 2002.

5. Конт-Спонвиль А. Философский словарь / пер. с фр. Е. В. Головиной. – М.: Этерна, 2012.

6. Кривых Е.Ю. Метафизика воли в иррационалистических концепциях А. Шопенгауэра, Р. Вагнера, Ф. Ницше // Вестник ЧелГУ. – 2009. – № 33.

7. Кьеркегор С. Болезнь к смерти // С. Кьеркегор. Страх и трепет / пер. с дат., коммент. Н. В. Исаевой, С. А. Исаева. – М., 1993.

8. Кьеркегор С. Страх и трепет // С. Кьеркегор. Страх и трепет / пер. с дат., коммент. Н. В. Исаевой, С. А. Исаева. – М., 1993.

9. Новалис. Гимны к ночи / пер. с нем. В. Микушевича. – М.: Энигма, 1996.

10. Новалис. Ученики в Саисе // Гейнрих фон Оффтердинген. Фрагменты. Ученики в Саисе. – СПб.: Евразия, 1995.

11. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180 000 слов и словосочетаний. – М.: Альта-Принт [и др.], 2008.

12. Шестов Л. Киркегаард и экзистенциальная философия. – М.: Прогресс; Гносис, 1992.

13. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // О четверояком корне. Мир как воля и представление. Т. 1. Критика кантовской философии / пер. с нем. Айхенвальда, М. И. Левиной. – М.: Наука, 1993.